

Комаров Константин Маркович

**ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ
В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОЭМАХ
В. В. МАЯКОВСКОГО**

Специальность 10.01.01. – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2014

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX–XXI веков филологического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный
руководитель: доктор филологических наук, профессор
Васильев Игорь Евгеньевич

Официальные
оппоненты: **Рогачева Наталья Александровна**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный
университет»,
профессор кафедры русской литературы
Института филологии и журналистики

Лоцилов Игорь Евгеньевич
кандидат филологических наук,
ФГБУН Институт филологии Сибирского Отделения
Российской Академии наук (ИФЛ СО РАН),
старший научный сотрудник сектора литературоведения

Ведущая
организация: ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь

Защита диссертации состоится «22» декабря 2014 г. в _11_ часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан «___» ноября 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

С началом XXI века фигура Владимира Маяковского все чаще стала привлекать исследовательское внимание. Стало очевидным, что его творчество и сегодня не утратило эстетической притягательности и значимости для дальнейшего развития искусства. В связи с этим в современном маяковедении назрела необходимость научного переосмысления художественного опыта Маяковского, его роли в искусстве XX века, возникла потребность критической оценки прежних литературоведческих концепций жизни и творчества поэта, а также новой интерпретации ключевых проблем его творческого развития. Сегодня фигура Маяковского как яркого выразителя своего времени и смелого новатора, обладателя оригинального художественного дара нуждается в реабилитации, которая должна быть основана на принципах объективности, полноты и многогранности осмысления жизни и творчества поэта, на восстановлении его реального «весомого, грубого, зримого» облика.

В ряду частных проблем, разработка которых особенно существенна для решения этой непростой задачи, можно назвать проблему «творческой генетики» Маяковского (его связи с футуризмом, с русским и западно-европейским авангардом, с опытом русской классики и т.д.); проблему взаимоотношений поэта с послереволюционной действительностью, конкретизируемую в таких аспектах, как модификации лиризма у послеоктябрьского Маяковского, особенности утопического художественного мышления поэта, нюансы его эстетического и социального максимализма, масштабность мыслей и чувств, инициировавшая драматически-напряженный метасюжет отрыва от Прошлого в пользу Будущего в его творчестве, преломление социальных теорий, иллюзий и мифов в их сложном взаимодействии с реальностью в поэтическом сознании Маяковского, внутренне конфликтное слияние личного и общественного в его поэзии, специфика функционирования компонентов «советскости»

внутри индивидуальной художественной реальности. В ряду этих вопросов, на наш взгляд, безусловно, находится и проблема текстуализации телесности (воплотимость ее в текстуру произведений), которая, в силу универсальности категории телесности и значимости ее для всех уровней поэтики Маяковского, непосредственно коррелирует с вышеперечисленными и многими другими узловыми аспектами современного изучения творчества поэта.

Сосредоточение нашего внимания именно на поэмах Маяковского обусловлено тем, что поэмы всегда составляли концентрированное выражение смыслов и идей, концептуальных для Маяковского в тот или иной временной отрезок. Именно в универсальном жанре поэмы креативное мышление и талант Маяковского нашли свое полное выражение. При этом при наличии ряда типологических структурно-смысловых доминант, переходящих из поэмы в поэму, налицо и эволюция этого жанра в творчестве Маяковского – от ранних романтических поэм до попытки объединения «я» с «мы» в структуре поэмого целого после революции. Стоит отметить, что для анализа мы привлекаем, наряду с известными, произведения, которые нечасто становились предметом специального изучения (например, поэмы «V Интернационал» и «Летающий пролетарий»).

Выбор в качестве объекта исследования поэм послеоктябрьского периода связан с недостаточным, на наш взгляд, вниманием к чисто литературоведческой, не искаженной социально-идеологическим контекстом, проблематике данного этапа творчества Маяковского. В послеоктябрьских поэмах Маяковского происходит интересная попытка перевода ранней авангардной поэтики на новые социальные рельсы. Содержательная направленность этих жанрово-стилевых и идейно-образных изменений проявляется в сфере, непосредственно связанной с предметом нашей работы, – областью художественной телесности. Сложившаяся в раннем творчестве Маяковского трагедийная нравственно-философская концепция мира и человека серьезным образом корректируется (что не

отменяет преемственности послеоктябрьского творчества по отношению к раннему), и именно телесные компоненты художественного мира потенциально становятся одним из наиболее ярких выразителей драматической напряженности этих изломов. Индивидуальная телесность лирического субъекта, на которой было сосредоточено внимание в ранний период, в послеоктябрьском творчестве осложняется ее взаимодействием с телесностью коллективной, тем самым значительно расширяя и усложняя круг связанных с текстуализацией телесности контекстов и аспектов.

Общетеоретическое обоснование актуальности затронутой нами темы связано с возрастающим в современной гуманитаристике интересом к телесности как насыщенной концептуальным содержанием категории, что вызвано постоянным расширением области связанных с телесностью смыслов. Телесность – категория междисциплинарная, и ее освоение находится на пересечении целого ряда наук. Нужно учитывать, что изучение феномена телесности по очевидным причинам «встроено» в более широкие мировоззренческие, концептуальные рамки, определяющие принципы, методологию, содержательно-теоретические особенности того или иного подхода к данному феномену, его трактовки, аксиологическое отношение и т.д. Всегда следует иметь в виду общую культурологическую значимость исследования телесности, подчеркнутую в отечественной науке, в частности М. Бахтиным. По Бахтину, внутренняя телесно-духовная активность творящего субъекта, его самоценная формирующая действенность определяет единство эстетической формы произведения, причем максимальное значение «творящий внутренний организм» обретает в лирике, где «порождающее звук изнутри и чувствующее единство своего продуктивного напряжения тело вовлечено в форму»¹. Таким образом, эстетическая форма одновременно оказывается и собственно динамической активностью творца и формой осваиваемого им события. В применении к

---

¹ Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 67.

творчеству Маяковского концепция Бахтина представляется крайне актуальной, поскольку в его поэзии, эстетически опосредующей проблематику телесного, формируется своеобразная диалектика материального и духовного, вещного и вечного, неразрывно связанная с диалектикой формы и содержания в ее бахтинской интерпретации. Процесс осмысления себя как единичной творческой личности и эстетического опосредования телесных практик автора в их напряженном, драматическом, а подчас и трагическом взаимодействии с душевными переживаниями (процесс воплощения действующей творческой индивидуальности в эстетический объект) у Маяковского эксплицируется как смыслополагающий и структуропорождающий, обеспечивающий удивительную глубинную целостность художественного мира поэта. Творчество Маяковского в максимальной степени соответствует положению, когда «человек измеряет мир в буквальном смысле слова своим телом, соотнося с собой окружающие природные и культурные объекты, а также ментальные стереотипы», осуществляя концептуализацию окружающего мира «через телесный код»².

Категория телесности является важнейшей и для теории литературы и для непосредственного анализа внутреннего мира художественного произведения. При этом особенно значима она для лирики, воспроизводящей опыт автора и его внутренние состояния через конкретные (нередко телесные) детали, а не развернутые психологические описания. Текстуализация телесности в поэзии зачастую основана «на глубинных взаимосвязях ... между семантикой и структурой образов тела и общим построением и функционированием самого поэтического текста»³.

Модернистское искусство начала XX века предельно актуализировало, расширило и усложнило проблематику телесного бытия человека. Одной из

---

² Белова О. Тело в русской и иных культурах // Новое лит. обозрение. – 2002. – № 56. – С. 441.

³ Виноградова А. Образы телесности в поэзии русского символизма. Тело в русской культуре : сб. ст. – М. : НЛО, 2005. – С. 281.

наиболее заметных эстетических концепций телесности в русской поэзии начала века стала футуристическая концепция тела, основанная на абсолютизации и сакрализации тела творящего индивидуума и на самодостаточности тела вне культурных и иных контекстов. В послеоктябрьской поэзии Маяковского, довольно много взявшей из его ранней авангардной практики, эти общие представления о телесности получают индивидуально-художественное воплощение и преломление.

В маяковсковедении существует некоторый массив работ, в той или иной мере затрагивающих проблематику телесности в поэзии Маяковского. В их числе можно назвать очерк Е. Эткинда «Там, внутри» в его книге «Психопоэтика», книгу К. Кантора «Тринадцатый апостол», несколько статей в сборнике «Творчество Маяковского в начале XXI века», работы о Маяковском М. Вайскопфа, Н. Харджиева, В. Альфонсова и др. Однако системного анализа данной проблемы среди прочитанного нами корпуса работ не найдено. Потребностью в исследовании, в котором бы последовательно и многоаспектно рассматривалось функционирование телесных компонентов в структуре произведений и художественном сознании послеоктябрьского Маяковского (с обязательным учетом вклада раннего Маяковского, целостности его творчества), и определяется **актуальность** настоящей работы.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней разработана научная концепция, согласно которой многомерные телесные проекции в послереволюционных поэмах Маяковского выполняют миромоделирующую функцию, имеют онтологический и антропологический статус и художественно мотивируют многие характерные черты поэтики Маяковского; предложена оригинальная модель телесности как значимой составляющей содержательного уровня произведений Маяковского, ретранслятора важных для поэта смыслов и идей и динамического начала, организующего текст; в аспекте проблематики традиций и новаторства рассмотрена категория предметности, включенная в категорию телесности;

доказано, что текстуализация телесности является одной из главных художественных особенностей послеоктябрьского Маяковского и реализуется им в лироэпическом поэжном жанре на всех уровнях поэтики текста: языковом, стилевом, идейно-концептуальном, хронотопическом и т.д.; осмыслена проблематика организации текстуального пространства на основании психосоматических характеристик автора текста, телесных практик его и его лирического субъекта, околотелесных факторов и т.д. Таким образом, данное исследование впервые дает более или менее системный, подробный и многоаспектный анализ функционирования телесности в послеоктябрьском творчестве Маяковского с привлечением разнообразных внутривоэтических, философских, биографических и других контекстов, что углубляет и расширяет взгляд на личность самого поэта в ее конститутивных характерологических чертах, а также корректирует представления о творческой эволюции Маяковского, о значении авангардной эстетики для его поэзии и т.д.

Степень научной изученности проблемы:

В нашей работе мы обращаемся к ряду биографических исследований о Маяковском (А. Михайлова, Б. Янгфельдта и др.), работ, посвященных поэтике Маяковского (Н. Харджиева, В. Альфонсова, З. Паперного, А. Субботина, Е. Эткинда, М. Вайскопфа и др.), а также анализу творчества Маяковского в контексте современных ему направлений и течений (работы В. Сарычева, И. Васильева, Е. Полтаробатько, И. Фадеевой и др.). Проблемы текстуальности у Маяковского затрагиваются в работах Р. Якобсона Н. Рогачевой, С. Семеновой, Л. Кациса, В. Байдина, Е. Тырышкиной, Г. Винокура, В. Арутчевой и др. Опора на эти и другие источники, безусловно, важна для нашего исследования, однако, приоритетной для нас оказывается непосредственная самостоятельная работа с текстами Маяковского, позволяющая вскрыть многие обойденные вниманием особенности текстуализации телесности в его творчестве, дать последовательный поэтапный анализ поэм Маяковского, сопровождающийся

непосредственным комментированием различных компонентов текста (мотивов, образов и т.д.), связанных с телесностью.

Таким образом, *объектом* нашего исследования является поэтическое творчество Маяковского послереволюционного периода в ракурсе многогранной и разнонаправленной реализации Маяковским элементов поэтики, связанных с телесностью, преобразования многомерных телесных проекций в художественный текст и их функционирования внутри него.

Предмет исследования – специфика и принципы текстуализации телесности как значимой смысловорепрезентирующей категории в поэмах послеоктябрьского Маяковского.

Цель нашей работы – выявить специфику механизмов репрезентации и способов текстуализации телесности в послеоктябрьских поэмах В. В. Маяковского.

Означенная цель предполагает решение ряда *задач*:

1. Очертить общефилософские и литературоведческие концепции телесности, важные для заданного ракурса работы, а также учесть особенности телесности в модернистской эстетике, значимой и для послереволюционного В. В. Маяковского.

2. Проанализировать особенности функционирования телесной образности (в широком ее толковании, включающем не только образы тела и его частей, но также жестикуляцию, мимику, голосовую, зрительную, ольфакторную и другую телесность) в послеоктябрьских поэмах Маяковского и выделить отдельные парадигмы телесных образов в их связи с решением конкретных художественных задач.

3. Выявить роль телесности в процессе художественной экспликации ключевых для послереволюционного Маяковского эстетических и идеологических конструктов и концепций.

4. Определить семантические и семиотические функции категории телесности на уровне тропообразования, системы образов и создания индивидуальной модели мира в поэтике Маяковского.

5. Проследить многоуровневые соответствия между интегральными параметрами авторской телесности Маяковского и их преломлением в его поэзии, способы трансгрессии авторского тела и перехода телесных экспликаций в текст.

6. Реконструировать онтологическую и антропологическую роль телесности в построении художественного мира послеоктябрьского Маяковского.

7. Рассмотреть соотношение и взаимосвязь различных типов телесности (индивидуальной и коллективной, лирической и эпической, внешней и внутренней, утопической и антиутопической и т.д.) в послеоктябрьских поэмах Маяковского.

Методологическая база, применяемая в работе, комплексна, что повышает теоретическую значимость исследования. Помимо традиционных методов, таких как структурно-семиотический, предполагающий создание описательно-интерпретационных моделей отдельных сторон художественных произведений, акцентированных нами в соответствии с выбранным ракурсом исследования, структурно-типологический, герменевтический, творческо-генетический и другие, по необходимости привлекаются методы экзистенциального и психопоэтического анализа, психоанализа, культурно-исторический и компаративный подходы. Рассмотрение внешней канвы жизни в ее связи с произведениями поэта, транспонирование биографии на текст как средство выявления поэтической самости во многом обеспечивают методологическое единство работы. Комплексный характер методологии повышает объективность полученных результатов и облегчает их верификацию.

Положения, выносимые на защиту:

– категория телесности является одной из конструктивно значимых доминант поэтики послеоктябрьского Маяковского и своеобразно «кодирует» содержание его творчества советского периода;

– в телесности лирического субъекта поздних поэм Маяковского по линии гиперболизации и метафоризации отражается и преломляется психосоматика самого поэта в ее интегральных параметрах;

– многогранная телесная образность в послереволюционных поэмах Маяковского отражает драматический процесс «добровольно-принудительного» вхождения индивидуального тела в коллективный организм;

– текстуализация телесности у послеоктябрьского Маяковского напрямую связана с идеей построения утопии «нового мира», хронотоп которого формируют и репрезентируют телесные проекции;

– телесность у позднего Маяковского выступает не только смыслонесущей и смыслообразующей категорией, но и универсалией, семиотизирующей и организующей эмпирическую реальность в «теле» текста, что проявляется в системе образов, стилистике и поэтике произведений.

Материалы диссертации прошли **апробацию** в ходе их обсуждения на кафедре русской литературы XX и XXI веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Основные положения работы были отражены в трех статьях, опубликованных в журналах, входящих в перечень ВАК, и в ряде докладов (с последующими публикациями) на международных и всероссийских научно-практических конференциях «Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 6–7 октября 2011 года), «Литература Урала: история и современность. Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей)» (Екатеринбург, 11–13 октября 2012 года), «Литературный текст XX

века: проблемы поэтики» (Челябинск, 11–12 мая 2012 года), «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, апрель 2012, 2013 года), «Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона» (Саранск, 22-24 мая 2013 года, заочное участие) и др.

Наиболее существенные результаты работы:

- общефилософская категория телесности научно осмыслена в свете ее применения для анализа конкретных поэтических текстов и ее корреляции с основными элементами поэтики;

- телесность у Маяковского описана и представлена в самых разных проекциях: и как часть, и как сторона, и как механизм организации текста, определяющий параметры изображения и стратегию художественного действия;

- выявлены неочевидные способы превращения телесного начала в текст, упаковывания содержания в тело текста у Маяковского, изучена проблематика отелеснивания авторской психосоматики;

- подробно рассмотрена роль и значение телесных компонентов в формировании эстетических и идеологических принципов послереволюционного Маяковского;

- исследованы конкретные парадигмы и оппозиции соматической образности внутри поэмого целого, выявляющие конструктивный и репрезентативный потенциал телесности в структуре художественного произведения.

Общетеоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем:

- на основе изучения классических и современных концепций телесности эта общефилософская категория научно осмыслена в свете ее применения для анализа конкретного поэтического текста и ее корреляции с основными элементами поэтики;

- в процессе анализа конкретных текстов разработана синтетическая методика многоаспектного анализа функционирования телесных компонентов в рамках поэтического целого;
- выявлен многообразный эстетический потенциал категории телесности в применении к поэтическому тексту;
- определены основные принципы взаимодействия тела и поэтического текста у Маяковского;
- выделены и проанализированы различные типологии и варианты проекций тела на текст.

Теоретическую базу диссертации составили работы литературоведов (М. Бахтин, В. Шкловский, Ю. Тынянов, М. Гаспаров, Л. Гинзбург, Р. Якобсон, В. Тюпа, С. Бирюков, И. Васильев, Н. Сироткин, О. Тырышкина, И. Чубаров и др.), философов (Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, М. Фуко, Ж. Делёз, Б. Гройс, В. Подорога, М. Ямпольский и др.), психологов (З. Фрейд, К.-Г. Юнг, А. Эткинд, В. Гиндин, Г. Поляков и др.) и культурологов (О. Белова, С. Зотов, И. Быховская, А. Кузьмин и др.), что вызвано разноаспектностью задач, поставленных в диссертации.

Практическая значимость работы заключается в возможности ее использования в научно-исследовательской практике, в вузовской и школьной преподавательской деятельности, в качестве материала для составления учебных программ, пособий, проведения лекционных курсов и спецкурсов по творчеству В. В. Маяковского, истории русской литературы XX века и теории литературы.

Объем и структура исследования определяются его целью и задачами. Работа состоит из Введения, трех глав и Заключения. Библиографический список включает 199 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение содержит обоснование темы работы, ее новизны, практической значимости, в нем определяются цель и основные задачи, предмет и объект исследования, характеризуются используемые методы, а также уточняется терминология. Последовательность расположения глав обусловлена аспектами изучения материала, то есть поэтических текстов Маяковского в свете осмысления проблематики текстуализации телесности в его послеоктябрьском поэтном творчестве.

Первая глава **«Теоретические аспекты категории телесности»** представляет собой теоретико-методологическое рассмотрение тематики и проблематики диссертационной работы. Столь подробное внимание к теоретическим аспектам обусловлено решаемыми задачами практической части данной диссертационной работы.

В разделе 1.1. *«Категория телесности в философских и литературоведческих интерпретациях»* рассматривается ряд концепций телесности как носителя и выразителя субъективных смыслов. В этом качестве категория телесности в XX–XXI вв. оказалась в центре внимания целого ряда гуманитарных наук, актуализировалось внимание к индивидуальным телесным практикам и к их художественной рецепции, произошла индивидуализация тела в его ценностных аспектах. Телесность как важнейший и самодостаточный параметр самоидентификации обрела онтологические, культурологические, социальные проекции, становясь предметом рассмотрения в философском, культурно-антропологическом, семиотическом, этнографическом, филологическом, искусствоведческом и других дискурсах. Это предопределило возникновение ряда концепций, рассматривающих телесность в ее взаимосвязи с культурой, выявляющих специфику соотношения тела с «разумом», «душой», «духом», ментальными структурами, исследующих телесность как воплощение эстетических идей и социальных идеологем и т. д. Для нас особенно актуально филологическое

видение телесности как образно-концептуальной системы, учитывающей многоуровневость символического содержания тела. При этом телесность является точкой пересечения телесных и духовных составляющих личности, «одухотворенным телом», «культурным конструктом», что подразумевает вывод ее из объективирующего дискурса и формирование «неклассического подхода» к телесности.

Из многообразных интерпретаций телесности мы акцентируем те, которые, на наш взгляд, активнее всего коррелируют с материалом нашего исследования – послеоктябрьским поэтным творчеством В. В. Маяковского: тело как подлинное бытие (Ф. Ницше), «пороговое тело» (В. Подорога), «конвульсивное тело» (М. Ямпольский), «гротескное тело» (М. Бахтин) и т. д. В концепции «гротескного тела» М. Бахтина нам особо важны такие его параметры как «карнавальность», «фамильярность», материально-чувственная природа, космизм, способность к выходу за свои пределы, пограничность, «изнаночность». Все они по-особому преломляются в поэзии В. В. Маяковского. В «философии жизни» Ф. Ницше полезными представляются мысли о теле как единственно подлинном бытии, источнике и критерии «переоценки всех ценностей», о психосоматических реакциях творящего субъекта как катализаторе и оформителе стратегий творческого поведения, а также о телесных составляющих поэтики безумия, нередко используемой Маяковским. Феноменология тела В. Подороги интересна представлением об образе тела, противопоставленном «телесной схеме» как совокупности «порогов» в координатах целостности и частичности их проявления, о «шизофреническом теле» и «лингвистическом теле». Концептуальна для творчества Маяковского устремленность «порогового тела» к предельным состояниям, порождающим «тело-аффект». «Конвульсивное тело» в трактовке М. Ямпольского проецируется на творчество Маяковского в аспекте телесных деформаций.

При этом наш анализ находится в русле современных литературоведческих стратегий подхода к телесности (во всем многообразии

ее составляющих), связанных с проблемой материальности языка, перехода телесных практик автора в создаваемый им текст, отелеснивания текстуального события. Теоретико-литературное осмысление телесности, учитывая междисциплинарный характер этой категории, сосредоточивается на механизмах семиотизации телесного материала, специфике метафорического соотношения тела и литературного текста, способах формирования «поэтики тела», творческих потенциях, вырастающих из опыта тела, взаимосвязи плотской стихийности с концептуальным авторским мировидением и неповторимым духовным опытом, а также на комплексе проблем, связанных с телесностью творческой личности. Смысловая обширность понятия телесность позволяет толковать эту категорию в применении к поэтическому произведению как сферу, включающую все телесные и околотелесные проявления автора и лирического субъекта. Все эти аспекты далее актуализируются нами в процессе рассмотрения конкретных произведений В. В. Маяковского и напрямую соотносятся с основными параметрами нашего практического анализа.

Раздел 1.2. *«Телесность в эстетике модернизма»* рассматривает особенности становления и функционирования телесности в модернистском искусстве начала XX века, где сложилось множество разнообразных жизнетворческих стратегий, включающих в себя телесную составляющую в качестве значимого самодостаточного компонента, а отношения творца со своим телом становятся сложными и многосоставными, что влечет за собой возможность многообразных репрезентаций тела в тексте.

Модернистское понимание телесности является необходимым историко-литературным контекстом анализа телесности у Маяковского, оно наложило серьезный отпечаток на текстуальное функционирование тела как в ранней, так и в поздней поэзии Маяковского, ибо основные формально-содержательные элементы поэтики Маяковского, который до конца оставался авангардным художником (по меткому выражению А. Жолковского, Маяковский «завещан нам авангардом»), модифицировавшись,

перешли из его раннего творчества в послереволюционное. В модернистском понимании телесности оказываются важны такие аспекты, как роль телесных составляющих в формировании житнетворческой стратегии поэта, нагруженность тела духовными, экзистенциальными, социокультурными коннотациями, полиморфность текстуальных проявлений телесности, диалектика взаимоотношения «тела языка» и «языка тела», абсолютизация чувственного опыта в процессе трансцендирования художественных смыслов, утверждение телесности в качестве универсального компонента и механизма творческого мирозидания.

Русская поэзия Серебряного века представляет различные варианты реализации телесности. В символизме тело одухотворяется, но при этом трагически расслаивается и развоплощается, формируя дискретное поле, связанное со страданием, болезненностью, ущербностью, трагедийностью. Акмеизм вписывает тело в область мировой культуры. Футуризм, абсолютизирует телесность в ее самодостаточности, материальности, природности, рассматривает тело как поэтическую форму. При этом телесные реакции становятся текстопорождающими, тело находится во взаимокорреляции с поэтическим языком.

Футуризм, отталкиваясь от символизма и одновременно развивая его находки, решительно актуализирует принципы аффективности словопорождения и образотворчества, провозглашает действенное отношение к слову, установку на семантизацию чувственного опыта в плотной и динамичной форме и отелеснивание слова, трансценденцию внеэстетических реакций, понимание языка как природного организма, формирование «языка тела», базирующегося на маргинальных компонентах облика самого поэта, восприятие материи как источника творчества, сакрализацию творческого субъекта во всех его проявлениях (в том числе физиологических). Творческий процесс в авангарде инициируется спонтанными проявлениями психосоматических импульсов художника, стремлением сохранить идентичность переживания. Телесность в футуризме

становится источником трансцендирования и одним из базовых параметров миромоделирования. Телесные составляющие (не только прямые, но и производные – запахи, жесты и т. д.) феноменологизируются и предстают как концептуальные маркеры индивидуального, социального и метафизического бытия. Многие из этих авангардных представлений о телесности были в модифицированном виде перенесены Маяковским в послеоктябрьское творчество.

Раздел 1.3. *«Авторская телесность Владимира Маяковского в аспекте ее текстуализации»* характеризует психосоматику и характерологические особенности самого Маяковского, непосредственно преломляющиеся в его поэзии ввиду близости (вплоть до полной идентификации) его лирического субъекта автору. Интегральные параметры авторской телесности Маяковского переходят в его творчество по линии гиперболизации, динамизации, многоступенчатой метафоризации свойственных поэту характерологических черт и эмоциональных реакций. Утверждаемые Маяковским в теории (статья «Как делать стихи?») телесные компоненты творческого процесса находят непосредственное выражение в его поэтической практике.

Личность Владимира Маяковского представляет собой парадоксальную целостность, сотканную из множества противоречий. Его характер можно представить как полиморфный с наличием глубоких сложностей и противоречий. Среди конститутивных свойств психики Маяковского (по Г. Полякову) можно назвать эмоциональную неуравновешенность, аффективность, неустойчивость настроений, разорванность психических процессов. Эти свойства порождают конкретные особенности поведения поэта. Статья «Как делать стихи?», анализируемая в данном параграфе, является ценным свидетельством поэта о важности телесных компонентов в творческом процессе, о роли авторской телесности в процессе поэтического оформления действительности и концептуализации эстетических положений. Механизмы стихопорождения напрямую завязаны на телесности («мычание»,

«бормотание», «шагание», активная жестикуляция и т. д.), первоначальный ритм, из которого появляется стих, тотально физиологизирован, стихотворение уподоблено цельному организму, непосредственно «прорастающему» из тела автора и его жизни, вплоть до мелочей и бытовых нюансов. Авторская телесность явлена в статье не только эксплицитно, но и имплицитно: в самом ее языке и стиле проявляются поведенческие и психические свойства Маяковского, для описания своей поэтической работы поэт прибегает к телесным метафорам, сам процесс письма отелесняется, связывается с жестовыми и пространственными показателями.

Вторая глава называется **«Текстуализация телесности в поэмах Маяковского 1919 –1923 гг.»** В ней выделяются основные парадигмы телесных образов у Маяковского, прослеживается сюжет взаимодействия индивидуальной и коллективной телесности, характеризуются разнообразные способы текстуализации телесности в поэмах указанного временного периода.

Раздел 2.1. озаглавлен *«"150 000 000" как аллегория коллективной телесности»* и посвящен анализу первой послереволюционной поэмы Маяковского, в которой с известной долей схематизма представлено аллегорическое изображение коллективного тела, общенародного «мы», описанного в монументальных эпических координатах с опорой на мифологическую и фольклорную образность. В границах этого карнавального тела происходит воссоединение человечества. При этом самую текстуальную фактуру поэмы отличает плотность телесного свойства: вся смысловая направленность произведения подчинена ритму неуклонного, сочетающего направленность и аритмию, движения персонифицированной массы, эксплицированного в структурообразующем мотиве «шаганья». Тотальная антропологизация, пронизывающая весь хронотоп поэмы, знаменует осмысление Маяковским коллективной идентичности как единого синтетического организма, обладающего конкретными физическими параметрами. Витальность, цельность и космичность этого организма

подчеркнуто противопоставлены мертвизне коллективного тела «чужого» мира, объясняемой бездуховным потребительством, и определяют победу революционной массы и создание утопии будущего.

В разделе 2.2. *«Телесные координаты революции духа в поэме "Пятый интернационал"»* исследуется составляющая сюжетную суть анализируемой поэмы проблематика тотального телесно-духовного преобразования человеческой личности, необходимого для свершения Революции Духа, призванной углубить и скорректировать Октябрьскую революцию. Духовные изменения в процессе этого преобразования неотделимы от физических усилий, связанных с резким обострением телесных реакций, обретением сверхчувствительности, активированием квазисенсорики. Напряженное и болезненное пересоздание личности в поэме подразумевает своим итогом слияние грандиозного «я» с не менее грандиозным «мы». В образе героя поэмы – «людогуся» – формируется, «ощельняется» и персонифицируется единая вселенская коллективная телесность, реализуется творческий идеал, основанный на абсолютизированной поэтической воле, на стремлении к сверхъёмкости и эффективности поэтического жеста, становящегося инструментом познания и изменения самой жизни.

Раздел 2.3. называется *«Поэма "Люблю": телесное опосредование идеи любви»*. «Люблю», представляя собой вариант слияния телесного и духовного в единую целостность на основе абсолютизированного любовного чувства, становится своеобразной «лирической автобиографией» Маяковского и дает художественную проекцию основных соматических характеристик автора и лирического субъекта. Центральный образ поэмы – «сплошное сердце» – метафорически реализует ключевую для Маяковского интенцию к прорыву телесной оболочки, выносу ментальных конструктов на пространство вселенной, в природный космос, тактильный, энергоёмкий и динамичный контакт с которым определяет центральный образный комплекс поэмы. Ряд антитез и контрастов, пронизывающих ткань поэмы, утверждает идею свободного, реализующегося в физической конкретике внутреннего

раскрепощения, предстающего залогом мощного катарсического обновления личности. Таким образом, идея «громады-любви», маркируемая конкретными телесными деталями, опосредуется и репрезентируется самой текстурой произведения.

Раздел 2.4. озаглавлен «*"Лихорадочная" телесность в поэме "Про это"*». Поэма, преемственная по отношению к ранним поэмам Маяковского, непосредственно передает лихорадочную напряженность состояния поэта в период ее написания. Но «горячность» в поэме становится и фундаментом и катализатором лирического сюжета, формирует ее внутреннюю структуру, оформляет «фантастическую реальность» хронотопа, мотивирует болезненность реакций лирического субъекта и т. д. Телесная образность, связанная с горячкой и бредом, иррациональными, пограничными состояниями сознания, регулирует дискретный темпоритм поэмы и эксплицирует центральную в произведении эмоцию тревоги, предощущения внутренней катастрофы. «Лихорадочная» телесность, таким образом, является в поэме и содержательным наполнением образов и концептуальным формальным элементом, реализующим сквозной у Маяковского лейтмотив отелеснивания духа и одухотворения плоти и сопутствующий ему сюжет мучительной самоидентификации, открытия в себе «внутреннего человека».

Третья глава **«Текстуализация телесности в поэмах Маяковского 1924–1930 гг.»** продолжает анализ поэм Маяковского 1920-х годов в заданном проблемном ракурсе. В поэмах второй половины 1920-х годов коллективная телесность воплощается более органично и синтетично, нежели это было в поэмах начала 1920-х годов, телесность окончательно становится не только одной из формально-содержательных доминант произведений, но и неизменной составляющей художественной онтологии и антропологии В. В. Маяковского.

В разделе 3.1. «*"Владимир Ильич Ленин": образ Ленина как апофеоз персонификации коллективной телесности*» рассматривается художественная рецепция Маяковским фигуры Ленина как воплощения

человека будущего, в силу чего и ленинская телесность эксплицируется поэтом в координатах героизации и мифологизации. Параметры телесности Ленина в поэме изображаются на основе соотнесения сверхтелесных качеств и подчеркнута рядовых характеристик, что парадоксально определяет облик Ленина как «самого человеческого человека» и одновременно «сверхчеловека». Тело Ленина напрямую связывается с революционным делом, становится в поэме воплощением коллективной, пролетарской идентичности, моделирующим центром утопической коммунистической вселенной.

В разделе 3.2. *«Бытовые параметры утопической телесности в поэме "Летающий пролетарий"»* привлекается к рассмотрению малоизученная поэма Маяковского, в которой телесность реализуется в двух модификациях: деформированная телесность, связанная с процессом борьбы за утопию, с болевыми реакциями, страдающим телом, и утопическая телесность, акцентирующая особенности функционирования человеческого тела в коммунистическом будущем. Ключевыми характеристиками телесности будущего становятся в поэме возможность нестесненного жеста, свободного перемещения в пространстве, отсутствие материальных ограничителей для реализации физических и духовных потенций, чистота и простор. В поэме Маяковский в фантазмагорическом ключе актуализирует и проецирует на современников интенции, свойственные собственной телесности (невмещаемость в тесные пространства, абсолютизация личной гигиены и т. д.), переводя, таким образом, индивидуальную телесность в коллективную.

Раздел 3.3. *«Одическая рецепция телесности в поэме "Хорошо!"»* выявляет, что программная для послереволюционного творчества Маяковского поэма суммирует и манифестирует основные характеристики коллективной телесности, представленные в предшествующих поэмах, в рамках оцельненного общим одическим пафосом художественного единства. Телесные составляющие поэмы используются и как маркер противопоставления «своих» и «чужих», и как метафоры внутреннего и

внешнего пространства, и как средство и источник материализованной мощи революционных масс, и как показатель текстуальной полифонии, ритмосмысловой «расшатанности», и как средство регулирования хаотичного, «броуновского» движения текста. Авторская телесность в поэме связана с осознанием Маяковским себя как полноправной части революционного организма, растворением в массе как способом обретения личностной состоятельности.

Раздел 3.4. *«"Во весь голос", "Неоконченное": воплощение и развоплощение индивидуального тела»* посвящен последней, незавершенной поэме Маяковского. В поэме «Во весь голос» на первый план выходит индивидуальная телесность, транслируемая через прямое лирическое высказывание «о времени и о себе». В поэме наблюдается смещение акцентов, объединение коллективного тела с индивидуальным происходит на основании приоритета последнего, эпический дискурс замещается исповедально-лирическим, манифестирующим уникальность человеческой и поэтической личности В. В. Маяковского. Примыкающее к поэме «Неоконченное» намечает сюжет телесного развоплощения, «растелеснивания», растворения уже не в массе, а в природной гармонии, чаемое стремление к непосредственному физическому бессмертию сменяется принятием смерти и верой в действенную антиэнтропийность отелесненной, соприродной с вечностью поэзии. В финальной поэме Маяковского общий сюжет драматического встраивания «я» в «мы» обретает свою кульминацию в развитии многофункциональной и разнонаправленной телесности, пунктирно (в силу незаконченности) намечаются дальнейшие перспективы разработки данной проблематики.

Таким образом, ход диссертационного исследования подводит к отраженным в **Заключении** выводам, что образы, мотивы, приемы, связанные с телесным бытием человека, используются Маяковским как для активной семантизации и семиотизации индивидуальных телесных импульсов автора и лирического субъекта, так и для концептуализации и

мифологизации значимых социальных и эстетических концептов и идеологем, воспринимавшихся Маяковским не абстрактно, а в качестве органических носителей живых, заряженных физической энергией импульсов к глобальному пересозданию вселенной, для материализации невещественной революционной риторики в плотные и конкретные образы. Телесность предстает у Маяковского многоуровневой универсальной смыслообразующей и репрезентирующей категорией. Телесное и духовное в самых разнообразных своих проекциях (сокровенно-интимное и общенародное, лирическое и эпическое) у Маяковского как бы «опрокидываются» друг в друга, формируя некое монолитное единство, базирующееся на социально конкретном фундаменте. Тело лирического субъекта в послереволюционной поэзии Маяковского становится сакральным ядром семиотической структуры пространства, оформляется метасюжет необходимого для свершения грядущей утопии драматического преодоления разорванности между телом и миром.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Комаров, К. М. Рассеивание волшебства. Александр Кушнер / К. Комаров // Вопросы литературы. – М., 2011. – № 4. – С. 44–56.
2. Комаров, К. М. Владимир Новиков. Александр Блок / К. М. Комаров // Вопросы литературы. – М., 2012. – № 3. – С. 496–499.
3. Комаров, К. М. Текстурализация телесности в поэме В. Маяковского «Про это» / К. Комаров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2014 – № 2 (127). – С. 133–144.

II. Другие публикации:

4. Комаров, К. М. Модификации «телесности» в раннем творчестве В. Маяковского / К. М. Комаров // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – М., 2013. – № 12. – С. 29–35.
5. Комаров, К. М. «Тело», «сердце» и «душа» в образной системе раннего В. Маяковского / К. М. Комаров // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – М., 2013. – № 12. – С. 23–29.
6. Васильев, И. Е., Комаров, К. М. Маяковский и Рембо (к проблеме типологических схождений) / И. Е. Васильев, К. М. Комаров // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Курган, 2008. – Вып. 4 (14). – С. 18–22.
7. Комаров, К. М. «Так говорил Заратустра» и трагедия «Владимир Маяковский»: ницшеанские мотивы и их художественное преломление в трагедии Маяковского / К. М. Комаров // Новые горизонты: сб. ст. стипендиатов Оксфордского российского фонда. – Вып. 2. – Тюмень : Вектор Бук, 2011. – С. 145–154.
8. Комаров, К. М. Владимир Маяковский: тип творческой личности / К. М. Комаров // Дергачевские чтения–2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Дергачева : в 3 т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – Т. 1. – С. 84–89.
9. Комаров, К. М. Телесная образность в раннем творчестве Маяковского: взаимопроникновение тела и духа / К. М. Комаров // Литературный текст XX века: проблемы поэтики: материалы V Международной научно-практической конференции. – Челябинск: Цицеро, 2012. – С. 80–82.
10. Комаров, К. М. Первая мировая война в поэзии В. Маяковского: модификации телесной образности / К. М. Комаров // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 7 : Литература и история – грани

единого (к проблеме междисциплинарных связей): в 2 т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – Т. 2. – С. 76–84.

11. Комаров, К. М. Языковые новации В. Маяковского / К. М. Комаров // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: материалы межрегиональной научной конференции, г. Саранск, 22–24 мая 2013 г. – М.; Саранск: ПРО100 Медиа, 2013. – С. 589–593.
12. Комаров, К. М. «Молодость» и «детство» в поэзии В. Маяковского / К. М. Комаров // Актуальные проблемы филологии : материалы Международной научно.-практической конференции молодых ученых. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013 – С. 88–89.